

ВЗГЛЯД. РАЗМЫШЛЕНИЯ. ТОЧКА ЗРЕНИЯ

УДК 342.8(470)

DOI 10.51980/2542-1735_2021_2_106

Павел Александрович АСТАФИЧЕВ,

профессор кафедры конституционного и международного права
Санкт-Петербургского университета МВД России,
доктор юридических наук, профессор

pavel-astafichev@rambler.ru

ИЗБИРАТЕЛЬНАЯ СИСТЕМА СССР В ПЕРИОД «РАЗВИТОГО СОЦИАЛИЗМА» И НАЧАЛА «ПЕРЕСТРОЙКИ» (1977 - 1988 ГГ.): ИСТОРИКО-ПРАВОВОЙ ОПЫТ И ЕГО ЗНАЧЕНИЕ ДЛЯ СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

THE ELECTORAL SYSTEM OF THE USSR IN THE PERIOD OF «DEVELOPED SOCIALISM» AND THE BEGINNING OF «PERESTROIKA» (1977-1988): HISTORICAL AND LEGAL EXPERIENCE AND ITS SIGNIFICANCE FOR MODERN RUSSIA

Статья посвящена исследованию ряда историко-правовых проблем, связанных с функционированием избирательной системы в СССР в период «развитого социализма» и начала «перестройки» (1977-1988 гг.). Рассматриваемый исторический период характеризуется юридическим действием двух весьма близких друг другу по методологии и содержанию законов от 6 июля 1978 г. и от 1 декабря 1988 г., которые базировались на положениях одной и той же Конституции СССР, но предопределяли своим нормативным воздействием совершенно разные выборы: в первом случае – «брежневские» (традиционные, безальтернативные и лишь «одобряющие политику партии и правительства»), во втором – «горбачевские» (политико-инновационные, альтернативные и «первые демократические в СССР»: это была беспрецедентная ломка общественных представлений о том, какими вообще должны быть выборы в советской стране).

The article is devoted to the study of a number of historical and legal problems associated with the functioning of the electoral system in the USSR during the period of «developed socialism» and the beginning of «perestroika» (1977 - 1988). The historical period under consideration is characterized by the legal effect of two laws very close to each other in terms of methodology and content, the Laws of July 6, 1978 and December 1, 1988, which were based on the provisions of the same Constitution of the USSR, but determined by their normative impact completely different elections: in the first case, these were «Brezhnev» elections (traditional, uncontested and only «approving the policy of the party and government»), in the second case, these were «Gorbachev's» elections (political-innovative, alternative and « the first democratic in the USSR»: this was an unprecedented breakdown of public perceptions about what elections in the Soviet country should be like in general.

Ключевые слова: советская избирательная система, социализм, перестройка, демократизация, политический плюрализм, гласность.

Keywords: Soviet electoral system, socialism, perestroika, democratization, political pluralism, glasnost.

Избирательная система СССР, присущая нашей стране в период «развитого социализма» и начала «перестройки», представляет собой главным образом историко-правовой опыт. Конституция СССР 1977 г., Закон СССР от 6 июля 1978 г. «О выборах в Верховный Совет СССР», Закон СССР от 1 декабря 1988 г. «О выборах народных депутатов СССР» утратили юридическую силу. Историко-правовой облик этого паттерна избирательной системы следует также из факта наличия в современной организации российских выборов ряда принципиально новых подходов к правовому регулированию, которые не имели аналогов в ближайшем политическом прошлом [6; 8] и представляют собой в основном «современные» юридические явления. При этом нельзя отрицать и определенную преемственность в развитии избирательного законодательства и складывающейся на его основе правоприменительной практики [14].

В связи с этим представляется весьма актуальным изучение с позиций современной юридической науки опыта правового регулирования организации выборов в период с 1977 по 1988 г. Он характерен юридическим действием двух весьма близких друг другу по методологии и содержанию законов от 6 июля 1978 г. и от 1 декабря 1988 г., которые базировались на положениях одной и той же Конституции СССР, но предопределяли своим нормативным воздействием совершенно разные выборы: в первом случае – «брежневские» (традиционные, безальтернативные и лишь «одобряющие политику партии и правительства»), во втором – «горбачевские» (политико-инновационные, альтернативные и «первые демократические в СССР»: это была беспрецедентная ломка общественных представлений о том, какими вообще должны быть выборы в советской стране). Насколько же этому способствовали положения избирательного законодательства? Или это было следствием главным образом складывающейся на основе методологически близкого законодательства общественно-политической и правоприменительной практики?

Для ответа на поставленные вопросы прежде всего выделим общие и отличительные черты законов СССР от 6 июля 1978 г. «О выборах в Верховный Совет СССР» и от 1 декабря 1988 г. «О выборах народных депутатов СССР». Общей была формула абсолютного большинства голосов избирателей при мажоритарной избирательной системе: чтобы победить в избирательном округе, кандидат должен был получить в свою поддержку более половины голосов избирателей, которые приняли участие в голосовании. Но законы от 6 июля 1978 г. и от 1 декабря 1988 г. различались правовыми последствиями нерезультативности выборов (что является неизбежным следствием мажоритарной формулы абсолютного большинства в демократическом состязательном процессе) [4, с. 36]. Закон от 6 июля 1978 г. исходил из презумпции, что советские граждане поддержат безальтернативных кандидатов, поэтому юридическим последствием гипотетической (но маловероятной) нерезультативности волеизъявления служил институт повторных выборов; закон от 1 декабря 1988 г., напротив, опирался на предположение, что при множественности кандидатов лидирующий претендент на вакантный мандат депутата может не получить требуемое большинство голосов, поэтому необходимо повторное голосование, т.е. второй тур [7], в котором участвуют два кандидата с наивысшим рейтингом электоральной поддержки. При этом оба закона – от 6 июля 1978 г. и от 1 декабря 1988 г. – полагали необходимым условием состоявшихся выборов явку на избирательные участки не менее половины списочного состава избирательного корпуса.

Сравнение этой системы с имеющимся механизмом выборов в Государственную Думу по действующему сегодня законодательству позволяет предположить, что законодатель в период «развитого социализма» и начала «перестройки» гораздо больше заботился о легитимности выборов [5, с. 124] и репрезентативности избирательной системы, чем это наблюдается в наши дни [3]. Действующий сегодня закон считает излишним вообще

какой-либо порог явки избирателей, причем победа в избирательных округах достигается по формуле относительного большинства. Такие выборы всегда результативны, но они менее легитимны и репрезентативны по сравнению с советской избирательной системой 1978-1988 г., даже если принять во внимание формирование половины состава Государственной Думы на основе пропорционального представительства списков кандидатов от федеральных политических партий.

Другой ключевой элемент избирательной системы – юридические формы *выдвижения кандидатов*, в более широком смысле – доступа к *баллотировке*, включая регистрацию кандидатов и фиксацию их данных в избирательном бюллетене. Очевидно, что принцип «всеобщего» избирательного права применительно к правомочию «быть избранным» – не просто не абсолютен, но даже и весьма условен, поскольку баллотироваться всем желающим избирательная система позволить явно не может. Необходима какая-то предварительная селекция. Закон СССР от 6 июля 1978 г. «О выборах в Верховный Совет СССР» проблемой поиска эффективного механизма такой селекции озабочен не был, потому что выбор производился скрыто от общества, по согласованию с соответствующими политическими кругами и под контролем органов КПСС. Сторонний наблюдатель при анализе Закона СССР от 6 июля 1978 г. должен был бы удивиться или насторожиться, почему законодатель вообще не регламентирует порядок предварительной селекции желающих баллотироваться на соответствующие должности? Но советская избирательная система исходила из установившегося политического консенсуса [2], при котором демократическому состязательному процессу (позиция большинства) [13, с. 271] противопоставляется воля кулуарно правящего меньшинства. Это уже было своего рода устоявшейся практикой в «брежневские» времена.

Однако нельзя сказать, что Закон СССР от 6 июля 1978 г. был напрочь лишен каких-либо признаков демократического состязательного процесса. Вслед за императивами Конституции СССР 1977 г. он допускал вы-

движение кандидатов различными субъектами (организациями КПСС, профсоюзов, ВЛКСМ, общественными организациями, трудовыми коллективами и собраниями военнослужащих). При таком многообразии субъектов права выдвижения была неизбежной определенная борьба претендентов. Но демократический соревновательный процесс контролировался и сдерживался курирующей деятельностью партии, которая официально и юридически считалась руководящей и направляющей силой советского общества. Селекция осуществлялась вне конституционно-правовых форм и задолго до официального начала движения избирательного процесса. При этом Конституция СССР специально оговаривала необходимость «свободного и всестороннего обсуждения политических, деловых и личных качеств кандидатов в депутаты». Допускалась агитация «на собраниях, в печати, по телевидению и радио».

Закон СССР от 1 декабря 1988 г. «О выборах народных депутатов СССР» лишь «слегка подтолкнул» избирательную систему к дальнейшей демократизации по сравнению с нормативно-правовым регулированием Закона СССР от 6 июля 1978 г. «О выборах в Верховный Совет СССР», что дало поистине синергетический эффект. В частности, Законом от 1 декабря 1988 г. было установлено правило «создавать условия для выдвижения на собраниях неограниченного числа кандидатур» (ст. 37). Выдвижение могло осуществляться открытым или тайным голосованием по решению участников собрания на основе волеизъявления простого большинства. Если это большинство может выдвинуть несколько кандидатов, то почему бы этим правом не воспользоваться? И не следует ли толковать норму ст. 37 Закона СССР от 1 декабря 1988 г. «О выборах народных депутатов СССР» как своего рода «скрытое указание» КПСС на выдвижение нескольких кандидатур? Правосознание советских граждан в период начала «перестройки» было детерминировано идеологическими установлениями «центра», которые периодически менялись, но общество считалось нравственно обязанным вслед за центром изменять и свои

политические представления о должном. В этом заключалась своего рода суть марксистско-ленинской идеологии образца 70-х – 80-х гг. XX в., чему придавался во многом сакральный и мобилизационно-организационный смысл [1, с. 76]. *Партия решила, что стране нужна «перестройка», поэтому все советские граждане непременно должны «перестроиться».*

Если Закон СССР от 1 декабря 1988 г. «О выборах народных депутатов СССР» допускал и даже, возможно, стимулировал выдвижение «неограниченного числа кандидатур», каким же образом следовало в дальнейшем осуществлять предварительный отбор претендентов на вакантные депутатские мандаты? Очевидно, что включение в избирательные бюллетени всех желающих по воле собрания было бы равносильно неуправляемому и вредному для общества электоральному хаосу (по закону от 1 декабря 1988 г. собрание по выдвижению было правомочным при участии в нем всего лишь 500 избирателей). Выход был найден следующий: законодатель модернизировал «окружные предвыборные совещания» (институт закона от 6 июля 1978 г.) в «окружные предвыборные собрания» (новелла закона от 1 декабря 1988 г.), придав им новые юридические функции.

В отсутствие институтов сбора подписей избирателей [15] и избирательного залога [9, с. 123] окружные предвыборные собрания наделялись конституционно-правовой обязанностью окончательной селекции претендентов до стадии внесения соответствующих данных в избирательные бюллетени, причем законодатель устанавливал следующие гарантии свободы выдвижения кандидатов: с одной стороны, демократические способы формирования состава окружных предвыборных собраний (представительство делегатов), с другой – право каждого кандидата «выступить с изложением программы своей будущей деятельности» в ходе таких собраний. Важно подчеркнуть, что «окружные предвыборные совещания» (институт закона от 6 июля 1978 г.) имели консультативную природу: они «могли проводиться» в целях обсуждения кандидатур, принимая решения

о поддержке или отказывая в поддержке, выступая с обращениями и призывами к избирателям. В отличие от этого «окружные предвыборные собрания» (новелла закона от 1 декабря 1988 г.) считались юридически обязательными, если в избирательном округе были выдвинуты более двух кандидатов.

С современных позиций институт окружного предвыборного совещания или собрания, казалось бы, выглядит довольно архаичным. Но так ли это в действительности? Не являются ли современные институты «муниципального фильтра» или «сбора подписей» чрезмерным ограничением пассивного избирательного права, к тому же лишаящим претендентов на выборные должности возможности высказаться по существу предлагаемой программы деятельности и быть выслушанными потенциальными избирателями? Должна ли указанная деятельность институционально трансформироваться в тотальный контроль федеральных политических партий (пусть и структурированных на основе конституционного принципа многопартийности посредством фракций в Государственной Думе)? Или это должно иметь более свободный режим государственно-правового функционирования?

Данные вопросы продолжают интересовать современную правовую мысль, поэтому во всяком случае институт окружных предвыборных совещаний или собраний не следует сегодня интерпретировать исключительно в критическом ключе. В период с 1977 по 1988 гг. он сыграл весьма положительную роль, и это существенным образом повлияло на процесс дальнейшего развития отечественной избирательной системы. Отметим также, что в течение последнего десятилетия существования СССР древнеримские политические институты «*jus suffragii*» (право участия в народном собрании) и «*jus honorum*» (право занимать общественные должности) были обеспечены гораздо более полным и комплексным образом, чем это наблюдалось в более ранние периоды государственно-правовой истории и, возможно, даже и в современной России.

Следующий важный критерий функционирования избирательной системы – совокупность и воздействие на выборный процесс *избирательных цензов* [10; 12]. СССР позиционировал себя как страну, решительно преодолевшую архаичные избирательные цензы и установившую подлинно всеобщее избирательное право. Имущественный ценз был бы совершенно немыслимым в условиях советского строя, если только не считать возможными его зеркально противоположные формы (например, по Конституции РСФСР 1918 г. в выборах запрещалось участвовать лицам, которые прибегают к наемному труду с целью извлечения прибыли, частным торговцам, торговым и коммерческим посредникам). СССР по праву гордился подлинным равноправием мужчин и женщин, отсутствием дискриминации по национальному признаку при одновременном учете многонационального состава советского народа. В связи с этим в законах от 6 июля 1978 г. «О выборах в Верховный Совет СССР» и от 1 декабря 1988 г. «О выборах народных депутатов СССР» наблюдались *весьма ограниченные избирательные цензы, их минимально необходимый состав*.

Современное избирательное законодательство России, напротив, имеет тенденцию к эскалации, комбинированию и модернизации избирательных цензов с целью *эффективно повлиять на политический процесс*. В конце XX века это считалось недопустимым, потому что с очевидностью нарушало бы фундаментальные конституционные принципы всеобщего, равного и прямого избирательного права при тайном голосовании. Общая тенденция мирового политического процесса состоит в сокращении избирательных цензов, в движении от ограниченного к всеобщему избирательному праву, но не наоборот [11].

Возрастной ценз по избирательному законодательству с 1977 по 1988 гг. опирался на требование совершеннолетия (18 лет) при одном единственном исключении: члены Верховного Совета СССР должны были достигнуть возраста 21 года. Подчеркнем, что речь не шла ни о 35-летнем возрасте (как сегодня для Президента РФ), ни о 40-летнем

возрасте (современное требование к судьям Конституционного Суда РФ, что весьма важно для целей нашего анализа, несмотря на то, что судьи данного органа не приобретают полномочия вследствие всеобщих публичных выборов, а назначаются Советом Федерации по представлению Президента РФ). Тем более в советском праве речь не могла идти о «верхних» возрастных пределах, что представляло бы собой более ярко выраженную возрастную дискриминацию. Требование достижения возраста 21 года, на наш взгляд, – это тоже своего рода «совершеннолетие», только несколько более позднее, но не более того. Законодатель в советской России явно не стремился с помощью возрастного цензового инструментария каким-либо образом повлиять на механизм выдвижения и регистрации кандидатов, ограничивая в доступе к баллотировке соответствующих претендентов благодаря использованию дискриминирующего, по сути, возрастного критерия. Молодежь представляет собой важный сегмент избирательного корпуса, который имеет свои политические права.

Довольно ясно прослеживается позиция советского законодателя в отношении запрета доступа к выборам *умалишенных*. Законодательные формулировки здесь постоянно менялись, оттачивались и в конечном итоге привели к современной конструкции запрета на участие в выборах лиц, которые «признаны недееспособными по решению суда» (ст. 32 Конституции РФ). В этом вопросе законодательство, на наш взгляд, развивалось исключительно по прямой восходящей линии, т.е. последовательно избавлялось от необоснованных юридических запретов в пользу утверждения более высоких демократических стандартов политических свобод.

В частности, Закон СССР от 6 июля 1978 г. «О выборах в Верховный Совет СССР» не допускал к выборам граждан, которые признаны умалишенными «не иначе как по решению суда либо по заключению врачебной комиссии» определенного уровня, что можно было обжаловать в суде (последующий судебный контроль). В отличие от этого Закон СССР от 1 декабря 1988 г.

«О выборах народных депутатов СССР» предписывал уже исключительно судебный порядок признания гражданина умалишенным (предварительный судебный контроль). Все это соответствовало критерию Конституции СССР 1977 г. «за исключением лиц, признанных в установленном законом порядке умалишенными», т.е. фактически означало делегирование регулирующей компетенции законодателю и наделение его сравнительно широкой дискрецией в этом вопросе. Законодатель, в свою очередь, предпочел путь движения к отмене правоограничений вместо их усиления.

Обратная тенденция характерна для другого избирательного ценза, касающегося избирательных прав заключенных. В целях данного исследования не является принципиально важным, предоставлялись ли фактически в Советском Союзе заключенным избирательные права или нет. Важно, что такого правоограничения не было ни в Конституции СССР 1977 г., ни в Законе СССР от 6 июля 1978 г. «О выборах в Верховный Совет СССР». В отличие от этого Закон СССР от 1 декабря 1988 г. «О выборах народных депутатов СССР» юридически, официально и публично установил запрет на участие в выборах лиц, которые содержатся в местах лишения свободы. Это имело двоякий государственно-правовой эффект: с одной стороны, способствовало утверждению режима законности (все избирательные цензы должны быть исчерпывающим образом указаны в законодательстве, иначе они противоправны), с другой – в некоторой степени «обнажило» для страны и мирового сообщества проблему доступа к выборам лиц, которые содержатся в местах лишения свободы по вступившему в законную силу обвинительному приговору суда [16]. Далее, уже в постсоветское время, это стимулировало не только соответствующее прямое конституционное установление (ст. 32 Конституции РФ), но и последующее расхождение в правовых позициях Европейского суда по правам человека и Конституционного Суда РФ.

Наконец, важное значение имеет разрешение в избирательном законодательстве

1977-1988 гг. вопроса о цензе гражданства. Этот принцип был установлен ясно и четко: граждане СССР в выборах участвуют, иностранные граждане и лица без гражданства такого права лишены. Современное законодательство, разумеется, опирается на те же теоретико-методологические конструкции (если не принимать во внимание весьма дискуссионную проблему возможности участия в муниципальных выборах трудовых мигрантов, которые находятся в России на законных основаниях вследствие наличия патента, разрешения на работу, визы, миграционной карты, разрешения на временное проживание, вида на жительство и т.д.). При этом избирательное законодательство 1977-1988 гг. не признавало никаких других правоограничений, которые столь активно развиваются в современной России (оседлость, двойное гражданство, вид на жительство в другом государстве и пр.). Нельзя сказать, что политика советского правительства занимала лояльную или патерналистскую позицию в этом вопросе. Однако юридических, официальных правоограничений соответствующего рода в Конституции РФ и в законодательстве не было.

В завершение исследования заявленной проблематики обратим кратко внимание на некоторые другие важные особенности анализируемых законов от 6 июля 1978 г. «О выборах в Верховный Совет СССР» и от 1 декабря 1988 г. «О выборах народных депутатов СССР», которые имеют сравнительно-правовое значение для современной юридической науки:

1) выборы проводились при конституционном признании Советов как единой системы органов государственной власти: не было деления на государственные и муниципальные органы, не признавалась самостоятельность местного самоуправления по решению вопросов местного значения;

2) сроки полномочий Советов дифференцировались (в зависимости от уровня – от 2,5 до 5 лет), в то время как сроки назначения выборов были унифицированными (назначение за два месяца до истечения срока полномочий). В последующем законодатель

увеличил этот срок до четырех месяцев, что давало больше возможностей потенциальным участникам избирательного соперничества подготовиться к предстоящей избирательной кампании;

3) законодательство допускало не только баллотировку (как сегодня), но также и нахождение одного и того же лица в нескольких органах народного представительства (одно и то же лицо «не могло быть избрано, как правило, более чем в два Совета»). Это давало не только отрицательный (рассредоточение представительства), но и положительный эффект (в частности, избавляло законодателя от необходимости противодействовать недобросовестной практике баллотировки лидеров, которые затем отказываются от мандата и передают его малоизвестным кандидатам из списка при использовании пропорциональной избирательной системы);

4) вопреки расхожему мнению, мандат депутата не считался полностью императивным (депутат нес обязанность *руководствоваться* общегосударственными интересами и лишь *учитывать* запросы населения своего избирательного округа, добиваясь исполнения наказов граждан);

5) народные представители не осуществляли полномочия на постоянной основе, они совмещали депутатскую деятельность с работой на производстве или с советской службой;

6) субъекты права выдвижения кандидатов обладали правом в любое время до начала голосования досрочно отозвать выдвинутого кандидата. Это создавало условия не только для обеспечения ответственности кандидатов перед выдвинувшими их избирателями, но также и для ряда недобросовестных манипуляций со стороны конкурентов в избирательной кампании;

7) в системе избирательных органов отсутствовали территориальные избирательные комиссии, что затрудняло работу окружных комиссий, но позволяло таким образом экономить бюджетные средства, которые выделены на организацию публичных выборов;

8) голосование осуществлялось весьма старомодным для современной России спо-

собом (вычеркивание всех кандидатов, против которых избиратель голосует). В современной России такая практика привела бы к массовому признанию избирательных бюллетеней недействительными;

9) кандидаты имели уголовный и административно-деликтный иммунитет на время избирательной кампании, что не считалось нарушением конституционного принципа равенства всех перед законом и судом;

10) в законодательстве специально описывалась противоправность таких деяний, как подлог избирательных документов, заведомо неправильный подсчет голосов и нарушение тайны голосования. Современный закон использует более абстрактную формулировку, что снижает эффект общей превенции в отношении потенциальных правонарушителей;

11) законодательные требования к содержанию избирательного бюллетеня весьма часто менялись (изначально в бюллетене обозначались только фамилия, имя, отчество кандидата и субъект права выдвижения его кандидатуры; только с течением времени законодатель стал требовать указания в бюллетенях персональных данных кандидатов);

12) законодательство гарантировало каждому гражданину право участвовать в предвыборной агитации без каких-либо существенных юридических ограничений. Многие современные ограничения права на предвыборную агитацию по смыслу избирательного законодательства 1977-1988 гг. квалифицировались бы в качестве правонарушений, хотя сегодня они считаются правомерными.

На основании изложенного можно сформулировать следующие обобщения и выводы. Закон СССР от 6 июля 1978 г. «О выборах в Верховный Совет СССР» имел высокий демократический потенциал, что предопределялось весьма прогрессивной для своего времени Конституцией СССР 1977 г. Возможность сочетания «*jus suffragii*» (право участия в народном собрании) и «*jus honorum*» (право занимать общественные должности) была гарантирована уже этими нормативными правовыми актами, что подготовило почву для принятия, вступления в силу и реализации более демократичного по содержанию

Закона СССР от 1 декабря 1988 г. «О выборах народных депутатов СССР».

Сочетание «jus suffragii» и «jus honorum» имело ряд других государственно-правовых последствий. В частности, граждане СССР в 1989 г. быстро поверили в народное представительство, но столь же быстро в нем разочаровались. Удерживать перманентный народный интерес к выборам благодаря институту «jus suffragii» оказалось невозможным в условиях зарождающейся многопартийности и политической состязательности, что требовало большей степени институционализации избирательного процесса.

При анализе соотношения положений законов СССР от 6 июля 1978 г. «О выборах в Верховный Совет СССР» и от 1 декабря 1988 г. «О выборах народных депутатов СССР» следует учитывать также новаторство самой идеи института народных депутатов СССР, которые строго не «привязывались» к структуре парламента или другого высшего органа народного представительства. Такой подход неизбежно повлек за собой, с одной стороны, сложности в организации работы общесоюзного представительного форума (который в силу множественности состава был не вполне способен выполнять функции органа государства), с другой – формирование конкурентной избирательной среды, что проще обеспечить в условиях повышенного

числа вакантных мандатов народного представительства.

С течением времени законодатель справедливо отдал предпочтение приоритету эффективности работы высшего органа народного представительства, отказываясь от своего рода «романтических» подходов к интерпретации ценностей конституционализма и народовластия. Однако «jus suffragii» применительно к избирательной системе в современной России необоснованно предано забвению. Выдвижение кандидатов на предвыборных собраниях имеет ряд важных институциональных преимуществ по сравнению с самовыдвижением и последующим сбором подписей в поддержку кандидатов. Кроме того, народное представительство не должно быть строго и исключительно «партийным», особенно если политические партии в обществе недостаточно развиты и не отражают всего многообразия спектра политических предпочтений потенциальных избирателей. Этому в известной степени учит историко-правовой опыт функционирования избирательной системы СССР в период «развитого социализма» и начала «перестройки» (1977-1988 гг.), нормативно обеспеченный Конституцией СССР 1977 г., законами СССР «О выборах в Верховный Совет СССР» и «О выборах народных депутатов СССР».

Библиографический список

1. Алексеев, С.С. Право и перестройка. Вопросы, раздумья, прогнозы / С.С. Алексеев. – М.: Юрид. лит., 1987.
2. Глухов, А.В. Политические конфликты и кризисы. Консенсус и политические методы его достижения / А.В. Глухов // Государство и право. – 1993. – № 6.
3. Коджаспирова, Е.Г. Как добиться высокой явки избирателей и подтверждения легитимности выборов народом России / Е.Г. Коджаспирова // Модель выборов. – М.: Юрист, 2013.
4. Ламберт, Д.Д. Исследование мажоритарной и пропорциональной избирательных систем / Д.Д. Ламберт, Э. Лейкман. – М.: Иностран. лит., 1958.
5. Макарецев, А.А. Легитимность выборов: механизмы правового обеспечения / А.А. Макарецев // Российский юридический журнал. – 2013. – № 5.
6. Масленников, В.А. Полномочия трудовых коллективов в подготовке и проведении выборов народных депутатов / В.А. Масленников // Советское государство и право. – 1989. – № 9.
7. Минникес, И.В. Повторные выборы и повторное голосование в российском избирательном праве: история становления и правового оформления / И.В. Минникес // Избирательное право. – 2014. – № 3.

8. Михалева, Н. Чтобы ошибки не повторились (К итогам выборов народных депутатов СССР) / Н. Михалева, Л. Морозова // Советская юстиция. – 1989. – N 19.
9. Михеева, В.И. Избирательный залог в современном российском законодательстве о выборах / В.И. Михеева // Сравнительное конституционное обозрение. – 2009. – N 3.
10. Новикова, Н.А. Применение морально-нравственного ценза в избирательном праве Российской империи конца XVIII – первой половины XIX в. / Н.А. Новикова // История государства и права. – 2006. – N 7.
11. Пунтус, С.А. Исторический опыт и современное состояние избирательных цензов в России и за рубежом (сравнительно-правовая характеристика) / С.А. Пунтус // Проблемы наук теории и истории государства и права. – Красноярск: ИПК СФУ, 2008.
12. Саламатова, М.С. Избирательные цензы в России и Европе в начале XX в. / М.С. Саламатова // Историко-правовые проблемы: новый ракурс. – Курск, 2010.
13. Сидоров, А.А. Четвертая Государственная Дума и демократический процесс в России / А.А. Сидоров // Вестник Волжского университета им. В.Н.Татищева. – 2005. – Вып. 50.
14. Страшун, Б.А. Современные тенденции развития избирательных систем в зарубежных странах социализма / Б.А. Страшун // Советское государство и право. – 1986. – N 12.
15. Черепанов, В.А. Сбор подписей избирателей в поддержку выдвижения кандидатов: исторический контекст и современное состояние / В.А. Черепанов // Конституционное и муниципальное право. – 2016. – N 5.
16. Яготинцева, Т.Ю. Коллизии Конституции РФ и норм международного права на примере избирательных прав заключенных / Т.Ю. Яготинцева // Конституция России: глобальное, национальное, региональное. – Волгоград: ВФ РАНХиГС, 2013.